

Жанры речи. 2024. Т. 19, № 3 (43). С. 237–246

Speech Genres, 2024, vol. 19, no. 3 (43), pp. 237–246

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-237-246>, EDN: JDTWPN

Научная статья

УДК 811.161.1'37'38

Когнитивно-операциональный и речеганровый универсализм оксюморона

М. М. Халиков

Самарский государственный университет путей сообщения, Россия, 443063, г. Самара,
ул. Свободы д. 2В

Халиков Магомед Магомедович, доктор филологических наук, профессор, заведующий
кафедрой лингвистики, magomed_samara@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1306-632X>

Аннотация. Предпринята попытка экспликации стилистической фигуры оксюморона как явления, представляющего собой репрезентацию в сфере языка специфического свойства человеческого сознания и структурируемой им картины мира – презумпции единичности природы противоположностей и возможности, на этой основе, их дискурсивной актуализации в формулах семантического синтеза. Показано, что контактное расположение кореферентных антонимов в единой синтагматической конструкции недостаточно для образования оксюморона (черно-белое кино). Эта фигура речи возникает как результат присутствия субъекта речи и его оценочно-характеризующей интенции в семантическом пространстве текста (грустно-веселые глаза). Оценка индивидуализирует модус рецепции и формирующуюся при этом картину мира. Таким образом, оксюморон выступает как способ организации когнитивной модели внеязыковой действительности, как индивидуальный опыт восприятия и семантизации предметов и явлений. На репрезентативном коммуникативно-речевом материале демонстрируется универсальный характер применения и актуализации оксюморона во всем спектре основных социально-релевантных типов дискурса. Важно отметить, что каждая речеганровая область отличается спецификой в трактовке текстообразующего и прагматического потенциала оксюморона. В поэзии она может выступать в качестве структурно-композиционной модели целого произведения, тотальным образом определяя возможность появления и функциональность всех других элементов текста. В официально-деловом дискурсе оксюморон присутствует имплицитно, как неартикулированная и принципиально отвергаемая прагматическая антитеза технике текстопостроения, фокусированной на исключительной и единственной релевантности денотативной семантики для организации сообщения. Конструктивно значимая роль оксюморона в процессах рецепции и вербальной репрезентации мира представляется доказанной.

Ключевые слова: онтология противоположностей, рецепция мира, антонимия, оксюморон, разговорная речь, художественная проза, философский дискурс, научная речь, публицистика, религиозный дискурс, официально-деловая речь

Для цитирования: Халиков М. М. Когнитивно-операциональный и речеганровый универсализм оксюморона // *Жанры речи*. 2024. Т. 19, № 3 (43). С. 237–246. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-237-246>, EDN: JDTWPN

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Cognitive-operational and speech-genre universalism of the oxymoron

M. M. Khalikov

Samara State Transport University, 2B Svobody St., Samara 443063, Russia

Magomed M. Khalikov, magomed_samara@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1306-632X>

Abstract. The article attempts to explicate the stylistic figure of the oxymoron as a phenomenon that shows the representation in the sphere of language of a specific property of human consciousness and the picture of the world structured by it – the presumption of the unsubstantial nature of opposites and the possibility, on this basis, of their discursive actualization in the formulas of semantic synthesis. It is shown that the contact arrangement of coreferent antonyms in a single syntagmatic construction is not enough to form an oxymoron (black-and-white movie). This figure of speech arises as a result of the presence of the subject of speech

and their evaluative-characterizing intention in the semantic space of the text (sad-happy eyes). Evaluation individualizes the mode of reception and the resulting picture of the world. Thus, the oxymoron comes into play as a way of organizing the cognitive model of non-linguistic reality, as an individual experience of perceiving and semantizing objects and phenomena. On the basis of representative communicative and speech material, the author demonstrates the universal nature of the application and actualization of the oxymoron in the entire range of the main socially relevant types of discourse. It is important to note that each speech-genre area differs in its specificity in the interpretation of the text-forming and pragmatic potential of the oxymoron. In poetry, it can act as a structural-compositional model of the whole work, totally determining the possibility of the appearance and functionality of all other elements of the text. In official business discourse, the oxymoron is present implicitly, as an unarticulated and fundamentally rejected pragmatic antithesis to the technique of textual construction, focused on the exclusive and only relevance of denotative semantics for the organization of the message. The author believes that the constructively significant role of the oxymoron in the processes of reception and verbal representation of the world is proven.

Keywords: ontology of contrary, perception of the world, antonymy, oxymoron, colloquial speech, fiction prose, philosophical discourse, scientific speech, journalism, religious discourse, official-and-business speech

For citation: Khalikov M. M. Cognitive-operational and speech-genre universalism of the oxymoron. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 3 (43), pp. 237–246 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-237-246>, EDN: JDTWPN

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В многообразии языковых явлений оксюморон выделяется не только как неординарная по интенсивности восприятия словесно-знаковая композиция, демонстрирующая возможности синтетического, трансграничного применения слова с целью максимально полной, эффективной и эффективной реализации его семантических и прагматических ресурсов, но и как коммуникативное событие, уникальным образом актуализирующее лингвистические аспекты духовно-интеллектуально-эмоциональной жизни человека и связи лингвистики с другими гуманитарными отраслями знаний – поэтикой, когнитологией, психологией, философией.

По проблематике оксюморона существует огромная литература, почти полностью она касается исключительности лингвистической феноменологии этой фигуры речи; важным достижением исследований в этой области является то, что собран значительный по объему материал, ярко иллюстрирующий прагматико-стилистические эффекты появления оксюморона в текстах художественных (по преимуществу – поэтических) произведений. Из новейших публикаций на эту тему заслуживают внимания прежде всего [1] и [2], в них раскрываются нетривиальные аспекты проблематики оксюморона. В монографии Э. Г. Шестаковой, например, представляет ценность развернутый обзор научной литературы по данной теме и богато иллюстрированный раздел о взаимодействии оксюморона с другими приемами художественной экспрессии, построенными на нарушении семантического баланса внутри художественного

микрконтекста, – фигурами парадокса, нон-сенса, абсурда, иронии и др. В статье В. И. Карасика несомненный научный интерес представляет описание семантических и прагматических разновидностей оксюморона, проведенное с использованием разноплановых текстовых данных. Общим инновационно-содержательным моментом этих работ является высказанная в них идея о необходимости изучения оксюморона в общекультурологическом контексте, в аспекте общей проблематики деятельности человеческого сознания и разнообразия социально-типизированных коммуникативных практик. Знакомство с указанными работами явилось инспирирующим толчком к завершению данной публикации, которая готовилась давно и проблемно-тематически восходит к исследованиям автора 80-х годов прошлого века.

Художественно-текстовая (поэтическая) субстанциональность оксюморона подобна вершине пирамиды, в которой наиболее зримо и в полноте своей сформированности проявляется когнитивный образ предмета. Внимание к наиболее зрелищному, дистинктивно-релевантному аспекту явления вполне закономерно, но значительный интерес представляет также рассмотрение объекта с точки зрения его природно-генетических оснований и неброской укорененности в общей систематике явлений. В приложении к исследуемому феномену – оксюморону – такая исследовательская установка предполагает необходимость его рассмотрения не в узких рамках проблематики поэтической экспрессии, а в более широком плане – как явления, глубоко укорененного в общей структуре феноменологии человеческого сознания.

Когнитивно-операциональный универсализм оксюморона

Познание мира – важнейший аспект духовно-интеллектуальной деятельности человека; наиболее полно, последовательно и системно он реализуется в науке, усилиями которой формируется рационально-логическая картина реальной действительности. Но значительная часть познавательной деятельности осуществляется вне сферы науки, в других формах общественного сознания – в бытовых когнитивных практиках, искусстве, философии, религии. Есть и инструментально-модусный аспект процесса познания, он осуществляется не только средствами эксплицитной научной терминологии, в строгих рамках рационально-логических построений, но и с участием эмоционально-чувственной сферы, интуиции, неартикулируемой рефлексии. Значительная часть информации и знаний остается на уровне подсознания, в виде неотрефлексированных имплицитных формаций сознания. Неструктурированность смыслов, невозможность их экспликации в четких словесных высказываниях формирует особую атмосферу и интенциональность сознания, а также сигнализирует о бесконечности процессов понимания и познания. Оксюморон – это операция со смыслами, способ организации когнитивных структур, семантическая сложность которых коррелирует с объективной сложностью и противоречивой сущностью явлений.

Примечательной характеристикой оксюморона является его способность резко усиливать эффект присутствия автора в текстовом сообщении. Лингвистически это проявляется в своеобразии словесного материала, используемого в целях создания этого приема – почти исключительно это лексика, относящаяся к референтной области абстрактных сущностей, способная отображать сферу эмоционально-оценочных рефлексий, которые по природе своей предполагают необходимость дистанцирования от эмпирически-наглядной вещественной субстанциональности объекта восприятия. Сравним два однотипных по синтаксическому рисунку и лексическому составу примера: *черно-белое кино* и *грустно-веселые глаза*. В обоих случаях используются классически-бесспорные антонимы и реализуется одна и та же синтагматическая формула, но эффект семантического противоречия, составляющий сущность оксюморонного синтеза, возникает только во втором примере. Причина уже названа: в оксюмороне репрезентирована интеллектуально-аналитическая интенция говорящего, его желание к оглашению сугубо личностного характеризующего отношения

к предмету изображения. Именно по этой интенциональности оксюморон тяготеет к поэтическому дискурсу, где, как известно, субъектность автора, его психо-эмоциональная и интеллектуальная индивидуальность проявляется наиболее рельефно и плодотворно.

Из сказанного выше вытекает, что оксюморон представляет собой особый взгляд на мир, особый аспект восприятия и репрезентации предметов, событий и состояний, актуализованных в рецептивном пространстве говорящего. Знаковая функция слова значительно усложняется и усиливается в оксюмороне: объекты и явления окружающей действительности репрезентированы здесь в двояком модусе – в аспекте их реального бытования во внешнем предметном мире и с точки зрения их релевантности для организации внутреннего субъективного мира говорящего. В этой констелляции обращает на себя внимание примечательный факт: с точки зрения коммуникативно-информационной значимости текста субъективно-оценочный аспект номинативно-сигнификативной функциональности оксюморона явным образом доминирует над предметно-референтным. Это вполне закономерно: в коммуникативной практике более значимым признается элемент текста, содержащий новую информацию. В оксюмороне таким элементом является именно субъективно-индивидуализированный, нетривиальный в силу самой эксцентрики словесной конструкции, взгляд на вещи – в гораздо большей степени, чем констатация факта наличия предмета в обозримом пространстве мысли.

Речевые акты и тексты возникают в информационно-коммуникативном пространстве как феномены адресной функциональности – они предназначены для восприятия другим(и). Полнота восприятия варьируется в широких пределах и зависит от многих факторов, к числу которых относится и модус когнитивно-семантического и словесно-текстового оформления сообщения. «Более эффективно усваивается, онтологизируется не полностью эксплицитное знание, а такое знание, над которым когнитивной системе приходится работать, прилагать определенные усилия, тратить ресурсы» [3: 175–176]. Сказанное наилучшим образом характеризует прагматический и когнитивно-операциональный функционал оксюморона. С одной стороны, он выступает как элемент метакоммуникативного регулирования, деавтоматизирует процесс чтения текста, а с другой – создает в месте своего появления эффект существенного прироста семантической субстанции, которая требует анализа и поиска возможных путей ее включения в широкий тезаурусный

контекст адресата. Второй названный здесь аспект означает, что оксюморон выступает не только как способ организации словесно-текстового пространства, но и как особая техника генерирования и репрезентации знаний, как операциональный аспект когнитивно-информационной деятельности.

Речезанровый универсализм оксюморона

Многие авторы считают оксюморон исключительно или преимущественно поэтическим явлением. Например, в словаре литературоведческих терминов он определяется как художественный троп, «встречающийся, как правило, в поэтических произведениях» [4: 252]. Есть основания полагать, что эта фигура речи относится к общеязыковым феноменам, явлениям, которые непосредственно вытекают из природы языка, его предназначения и особенностей социально-дискурсивного бытования. Важнейший аргумент в пользу тезиса об укорененности этого явления в природно-естественной онтологии языка и неправомерности его трактовки исключительно в аспекте категориальной специфики отдельно взятой области языкового функционирования – этимологическая семантика самого греческого термина (*oxus* «острый», *tóros* «глупый»), незатейливо-просторечная коннотация которой трудно ассоциируется с элитарно-возвышенным позиционированием поэзии в античной культуре и скорее относится к области повседневного бытового употребления языка. Также следует иметь в виду, что поэзия не является замкнутой на собственной феноменологии системой коммуникации, она субстанционально и дискурсивно связана с иными формами бытования языка – прежде всего, с разговорно-речевой практикой. В ней кристаллизуется весь коммуникативный опыт языка, все наиболее выразительное и эстетически значимое в нем. Экспрессия и стилистическая фигуративность поэзии – продукт целенаправленной селективной работы с материалом обыденного языка.

Все прочие дискурсивно-жанровые типы коммуникативной практики субстанционально производны от разговорной речи и представляют собой результат ее культивирования в соответствии с требованиями и социальными нормами общения в каждой из сфер, которую они обслуживают.

Разговорная речь

Разговорная речь – исторически первичная дискурсивная разновидность языка, в той или иной степени повлиявшая и продолжающая влиять на субстанцию и тональность

иных функциональных типов речи. Номенклатурная и качественная специфика различных дискурсивно-стилевых систем языка, выделяемых современной наукой, представляет собой результат стихийно-целенаправленной работы коммуникативно-языкового сознания в двух направлениях – по формированию фонда средств номинации и по выработке особой прагматики употребления языка в каждой из социально-дифференцированных областей его функционирования. В становлении функционально-дискурсивных (речезанровых) разновидностей языка заметно участие разговорной речи – либо в качестве донора вербальной субстанции (которая обрабатывается в соответствии с потребностями отраслевой коммуникации) и модуса ее применения, либо как модели употребления языка, от которой следует дистанцироваться.

Известно, что номинативные композиции с антонимичными компонентами – не редкость в обиходной речи: *ужасно красивый / хорошо / обрадовался, умный дурак, грустная улыбка, дела – как сажа бела, взрослый ребенок, взрослая девочка, сухое молоко, белая ворона, родные помойки*. При более широком рассмотрении эмпирического ландшафта языка-речи нельзя не отметить, что прием семантического противоречия, экспрессивная образность на основе алогизма и абсурда – явления обычные в бытовой разговорной практике (*сапоги всмятку*) и в фольклоре (*Когда рак на горе свистнет; Ехала деревня мимо мужика*). В этом плане язык выступает как непосредственное отображение реалий жизни: в окружающем нас мире также много нелепого и абсурдного. Гармония и противоречие в равной степени участвуют в структурировании мира и сознания человека, сама возможность их качественного различения обусловлена общностью онтологии. Нормоцентризм в той же мере формирует субстанциональность языка, в какой это делает стихия спонтанной народно-разговорной речи. Сложная диалектика социального бытования языка определяется этими двумя противоположно-направленными стратегиями, ср.: «...подлинная речь и письмо полностью противоречат всему, чему учит словарь и грамматика... суть речи как раз и заключается в постоянном нарушении грамматических правил и словарных норм» [5: 670]. Антонимические композиции оксюморонного типа вполне органично вписываются в общую картину диалектически-противоречивой сущности языка, в частности, они красочно орнаментируют фактуру разговорно-бытового функционального дискурса.

Примечательно, что в бытовом сознании и речевом употреблении существуют когнитивно-семантические модели оксюморона, которые регулярно появляются в коммуникативных практиках и варьируют при этом способы своего лексико-синтаксического воплощения. К таким константным явлениям семантики и вербальной текстуры разговорной речи можно отнести концептные композиции [ГРУСТНОЕ ВЕСЕЛЬЕ], [ГЛУПАЯ УЧЕНОСТЬ], [ВЕЖЛИВОЕ ХАМСТВО]. Они отражают насыщенные аспекты бытовой коммуникации и демонстрируют богатое разнообразие приемов словесно-текстового оформления.

Художественная проза

Вторая область естественно-репрезентативного присутствия оксюморона – реалистичная художественная проза, которая в значительной степени выступает как сбалансированная в отношении нормоцентризма и нормодистанцирования модель языкового употребления в обиходно-разговорной сфере. Блистательные образцы оксюморона, дискурсивно идентифицируемые как литературно-разговорные феномены языка и при этом ярко характеризующие идиостилевую системность / асистемность творчества писателя, можно найти у Ф. М. Достоевского. Рекуррентным, конструктивно-значимым и смысло-расширяющим элементом многих его произведений является семантическая формула *любовь-ненависть*. Она редко встречается именно в таком контактном лексическом оформлении (как сложное слово), которое, возможно, является калькой с немецкого узусального композита *Hassliebe* (писатель с детства хорошо знал немецкий язык и литературу, жил в Германии подолгу). Более характерно для нее синтаксически расчлененное и варьирующееся от текста к тексту речевое воплощение, приведем несколько примеров: «*Влюбиться можно и ненавидя*», «...За многое мы друг друга ненавидели, Катя, но клянусь, клянусь, я тебя и *ненавидя любил*, а ты меня нет» («Братья Карамазовы»); здесь и далее курсив в цитируемом материале мой. – М. Х.); «...Из-под беспре-рывной к вам *ненависти*, искренней и самой полной, каждое мгновение сверкает *любовь* и... безумие... самая искренняя и безмерная любовь и – безумие...» («Бесы»). Важное место в картине мира и художественно-смысловом пространстве писателя занимает мотив синкретичного бытования любви и ненависти, мысль о невозможности их разграничения: «...Неужели до такой страсти ее любит? Или до такой страсти ее ненавидит?» («Подросток»); «...любил он эту женщину или ненавидел?» («Идиот»). Прототи-

пически такие текстовые структуры восходят к исследуемой фигуре речи, но интеррогативная интенциональность обоих фрагментов исключает возможность их оформления в виде эксплицитной формулы оксюморона. Когнитивная модель оксюморона *любовь-ненависть* нередко реализуется у Достоевского путем замещения одного из антонимических компонентов лексической единицей, входящей – по метонимической формуле – в ассоциативно-семантическое поле замещаемого концепта: «...со *злости любил*, эта любовь самая сильная» («Вечный муж»); «...тебя сквозь *отвращение* они *любят*» («Подросток»).

Вне всякого сомнения, мировоззренческую и нарративно-речевую модель оксюморона можно считать одной из стилеобразующих примет творческого метода мыслителя и писателя Ф. М. Достоевского. Об этом свидетельствует и частотность появления подобного рода конструкций на страницах его произведений, и структурно-типологическое, семантико-стилистическое их разнообразие, а также интеллектуально-рафинированный способ организации текста. Приведенные выше художественные цитаты показывают, что для писателя характерна стратегия диверсификации приемов структурно-смыслового решения данной стилистической фигуры.

Можно привести и другие приемы индивидуального своеобразия и разнообразия оксюморонных построений в произведениях писателя. Весьма частотны атрибутивные композиции, в которых семантическое противоречие создается путем акцентированного провокативного демонтажа привычных логических связей между предметами и явлениями: «...в *спокойствии бешенства*» («Игрок»); бешенство ассоциируется с буйством, драматичной потерей психологического равновесия); «*наслаждение отчаяния*» («Записки из мертвого дома»); отчаяние в привычном представлении не может быть источником наслаждения). Еще один прием диверсификации текстовых форм оксюморона в произведениях писателя – реорганизация, по модели антонимического замещения, узואльно-речевой идиоматической синтагматики слов: «...человек *глубоко необразованный*» («Подросток»);okkaзионально-трансформированное литературно-разговорное *человек глубоко образованный*); «...мы даже *обуреваемы* – именно *обуреваемы* – *благороднейшими идеалами*» («Братья Карамазовы»); глагол *обуревать* предполагает в качестве семантического агента низменные страсти). И, наконец, чрезвычайно выразительны, отличаются словесным лаконизмом в сочетании с бесконечной смысловой емкостью номинативные композиции на базе коннотативной антонимии:

«барон Помойкин» («Униженные и оскорбленные»); «*прет величественно*» («Подросток»). Прагматика таких построений – отдельная исследовательская проблема, которая может быть раскрыта в рамках комплексного лингво-поэтического анализа.

Представленные здесь примеры художественно-образной реализации стилистической фигуры оксюморона иллюстрируют индивидуальный мировоззренческий и повествовательный стиль Ф. М. Достоевского, но вместе с тем они должны рассматриваться и в исследовательском ракурсе русской национальной стилистики ресурсов, т. е. как явления общезыковой системы выразительности, обнаруженные и особым образом актуализованные автором в литературных сочинениях.

Философский дискурс

Среди познавательных монологических практик исторически первична и методологически значима философия – область мышления, предметно ориентированная на выявление предельных оснований бытия (М. К. Мамардашвили), а в систематике дискурса занимающая промежуточное положение между словесно-художественным и научным творчеством. В задачи философии входит не только производство текстов с некоторым набором абстрактных знаний о предмете рассмотрения, но и создание пространства мысли, вовлечение читателя / адресата в процесс интенсивного размышления. Поэтому риторический аспект имеет ключевое значение для философии, так же как и фактор идиостилевой релевантности текста – каждый философ пишет по-своему. В философских текстах находят применение все ресурсы выразительности национального языка – от явлений фонетической экспрессии до приемов когнитивной стилистики. Видную роль в построении философского нарратива играет оксюморон – прием, максимально приспособленный для когнитивного стимулирования адресата, создания атмосферы напряженного поиска истины. Нельзя не вспомнить в этой связи слова М. К. Мамардашвили о том, что «удивление лежит в основе философии» [6: 32].

Показательно, что в философских сочинениях оксюморон появляется, как правило, в местах, где рассматриваются ключевые и непростые для понимания проблемы; это способ маркирования концептуально значимых фрагментов текста и неартикулированной актуализации тезиса о неисчерпанности истины сказанным здесь. Текстовым маркером концептуально-содержательной значимости оксюморона часто является его рекур-

рентность. Например, оксюморон из предложения «Сама гносеология превращается в разновидность *негативно-позитивной трансформации бытия*, которое именуется знанием» [7: 123] еще два раза встречается в близком к нему контекстном пространстве.

О рекуррентности оксюморона можно говорить не только в пределах когнитивного пространства отдельно взятого текста, но и применительно ко всему философскому курсу. В частности, константным элементом текстов, посвященных гносеологии как важнейшей макроструктурной части философии, является восходящий к античности прототипический концепт «Знание есть незнание». Идеино-плодоносная миссия этой формулы эксплицитно выражена в авторских дефинициях Г. Г. Шпета «*Теория познания – теория незнания*» (цитируется по [8: 327]) и М. К. Мамардашвили «...философия есть *знающее незнание*: знать о том, что ты не знаешь, и есть философия» [6: 133]. Их инвариантный смысл находит в философских текстах разноплановое лексико-синонимическое выражение: *ведающее незнание, ученое незнание, ученое неведение* и др.

Для философского дискурса прагматически значима метатекстовая коммуникативная функция оксюморона – актуализация идеи о синкретичной онтологии противоположностей, о невозможности однозначной интерпретации многих явлений мира, о незавершенности процесса познания и т. д. Для подчеркивания этой эксплицитно невыраженной идеи авторы нередко прибегают к приему иконического усиления – путем сенситивно релевантного удвоения лексемного состава в фигуре хиазма. Слова повторяются, меняются синтаксическими позициями и ролями; количественное наращивание словесного присутствия воспринимается как сигнал о конструктивно-смысловой значимости этих элементов текста. Примеры: «...переживание, посредством которого мы оказываемся перед *невозможностью возможного* или перед *возможной невозможностью*» [6: 176]; «Игра – *неопределенная определенность, или определенная неопределенность*» [9: 61].

Научная речь

Когнитивный образ науки включает в себя в качестве определяющей ее феноменологию интенции предметно-референтную единичность слова и завершенность процесса смыслообразования. Все, что создает эффекты семантической диффузии и энтропии текста (средства вторичной номинации, экспрессивный синтаксис, фоностилистические изящества и проч.), несовместимо с требованиями научной рациональности. Оксюморон,

как одно из ярких явлений в этом ряду, должен отвергаться наукой. Но есть диалектический закон отрицания отрицания, и наука, выстраивая свою практику системного словоупотребления на идее отрицания собственной разговорной и некоторым другим типам речи толерантности к семантическому противоречию внутри языкового выражения, допускает возможность эпизодических «рецидивов» – возможность функционирования оксюморона в качестве терминологической номинации.

Примеры научных оксюморонов можно найти в математике, которая, как известно, в глобальном исследовательском социуме признана в качестве эталона точности и непротиворечивости эпистемологических процедур. Пожалуй, самым известным и операционально значимым оксюмороном в этой науке является *пустое множество*. Встречаются и авторские оксюморонные неологизмы, обороты речи, релевантные в локальных границах индивидуального исследовательского дискурса. Таково, например, отмеченное у А. Ф. Лосева определение числа: «единичность, данная как *подвижный покой* самотождественного различия» [10: 773].

Принято считать, что среди гуманитарных наук лингвистика в наибольшей степени отвечает требованиям терминологической эксплицитности смысла и непротиворечивости операциональных формулировок. Но и здесь оксюморон появляется в качестве эпистемологически релевантного элемента текста, как научно-терминологическая единица. Анализируя литературную цитату из произведения М. М. Пришвина «...но теперь леса вырублены, мужик измелечал, помещик разорился или превратился в кулака», А. В. Бондарко отмечает, что форме единственного числа здесь свойственно значение «репрезентативной собирательной единичности» [11: 110].

Статистически-показательной особенностью оксюморона считается редкость / единичность его появления в тексте и неброская анонимичность его компонентов (см. об этом [12]). Под последним понимается отсутствие изоморфизма между структурами значений антонимов – в этом случае контрастные элементы по-разному позиционированы в семантической конструкции компонентов оксюморона. Антонимическое взаимодействие при этом происходит через механизм семантических ассоциаций и валентных связей. Показателен в этом отношении следующий пример. Характеризуя русское вербальное поведение, исследователь говорит о его «установке на глубинную позитивную вежливость, контрастирующей с *негативной вежливостью*, характерной для

европейского поведения» [13: 10]. Наглядный случай асимметрии взаимодействующих в семантическом синтезе антонимов.

При асимметричном положении антонимических семантических признаков, участвующих в образовании оксюморона, в структуре их значения расширяется возможность контекстно-референтной применимости таких образований, в то время как антонимия классического типа ограничивает такую возможность. Последнее имеет место, например, в случае с понятием *положительного отрицания* в логике, не отмеченного в иных контекстно-тематических употреблениях.

Публицистика

Две коммуникативные стратегии определяют лингвистическую природу публицистической речи – установка на стандарт и установка на экспрессию (см. работы В. Г. Костомарова, М. Н. Кожинной и др.). Здесь находят применение все актуальные для данного языка средства экспрессии – в полном их типологическом и качественном разнообразии. Разумеется, при этом элиминируются субнормативные функциональные практики языка, дискредитирующие этический статус публично-дискурсивного словоупотребления (радикальное просторечие, арго и проч.). Оксюморон – частное явление в публицистике, возможно, даже не только в аспекте лингвистической феноменологии. Эта сфера коммуникации нередко функционирует по принципу «Картина мира важнее реальности», и довольно часто медийная интерпретация события противоречит его объективной содержательности, когда, например, желаемое выдается за действительное, «белое называется черным». В сознании человека, знающего объективную фактологию и вынужденного принять, по разным прагматическим соображениям, ее трактовку в медийном пространстве, неизбежно возникает когнитивная структура оксюморонного типа.

Публицистика – сфера, где раскрывается индивидуальная творческая личность субъекта речи. На страницах газет и журналов, в телевизионном и интернет-дискурсе можно найти примеры неординарного использования фигуры оксюморона в экспрессивных целях отдельными авторами. Нас в данном случае интересуют случаи рутинизации (узуализации) публицистических оксюморонов в обозримом для современника временном пространстве («на наших глазах»). Так, недавно вошел в коммуникативный обиход и укоренился в публицистическом (и социологическом) дискурсе термин *конструктивная неопределенность*. Эта атрибутивная конструкция построена на контрадикторности

ее компонентов, они логически несовместимы. Неопределенность традиционно ассоциируется с интенцией дезинтеграции, с признанием невозможности конструктивного прогресса.

К нетривиальным достижениям публицистики как системы практик формирования общественного сознания можно отнести оксюморон *период отрицательного экономического роста*, используемый в денотативном значении традиционного оборота *экономического кризис* – с целью исключения негативно-оценочных коннотаций последнего из семантического пространства дискурса (отнюдь не в интересах создания объективной картины мира).

Религиозный дискурс

В сфере религиозной коммуникации, исторически-репрезентативной и воплощающей собой опыт стилистически-изысканных вербальных практик, существуют свои каноны словоупотребления, среди которых важную конструктивно-прагматическую роль играют риторические приемы и фигуры. Религиозный дискурс трудно представить без речевой экспрессии и ее суггестивных эффектов. В его семантическом пространстве доминируют абстрактные концепты с мощным имплицитивным и символическим зарядом, а функционирование всех риторически значимых элементов регулируется интенциями создания атмосферы интеллектуального и эмоционального подъема. Тексты религиозного дискурса можно отнести к категории наиболее синергичных, стилистически напряженных, семантически многомерных. В обеспечение указанных качеств свой продуктивный вклад вносит и оксюморон – одна из сильнейших стилистических фигур.

В христианском вероучении самым известным и идеологически значимым оксюморонам следует считать *непорочное зачатие*. Теологическое и культурологическое влияние этого концепта огромно и непреходяще. Католическая доктрина непорочного зачатия послужила основой для многочисленных нарративов, связанных с описанием и толкованием этого феномена.

В качестве другого парадигмально значимого оксюморона в данной области можно назвать определение буддизма как *религиозного атеизма*. Такая дефиниция отражает эпистемологический дуализм в трактовке самой системы буддизма, которую часть мыслителей относит к религиозному опыту, другая – к философии. Показательно, что в концептуальной инструментарию буддизма также встречаются конструкции оксюморонного типа (например, *оглушительная тишина*).

Проблема функционирования оксюморона в религиозных текстах недостаточно изучена. Из специально посвященных этой теме работ можно назвать [14], в которой аргументированно раскрывается актуальность проблемы и проведен контекстно-лингвистический анализ оксюморонов, извлеченных из древних сочинений путем сплошной выборки. Следует отметить, что большинство из них выступают как ключевые концепты, вокруг которых выстраивается автономный субдискурсивный контекст, ср.: *неразумная мудрость, неизреченное слово, животворящая мертвость*. Это свидетельствует о весомой конструктивной роли оксюморона в организации семантического пространства религиозного текста.

Официально-деловая коммуникация

Фундаментальные свойства оксюморона (незавершенность смысла, его динамическая многоплановость, имплицитность и диффузность, субъективно-оценочная окраска, ореол языковой игры и тяготение к смеховому дискурсу) радикально несовместимы с модальностью, тональностью и семантико-прагматическими характеристиками официально-деловой речи. В систематике коммуникативно-языковых явлений они занимают диаметрально противоположные позиции, когнитивное и дискурсивное взаимодействие между ними исключено. Но все же оксюморон, как и другие стилистические средства повышенной экспрессии, присутствует в текстах рассматриваемого типа – как интенция к его отрицанию, как модель языкового употребления, принципиально чуждая когнитивному образу делового текста. Имплицитно оксюморон участвует в лингвистическом оформлении официально-деловой речи, влияет, в качестве негативного образа (анти-модели, ментальной оппозиции), на формирование ее конструкции и субстанциональности. В редких случаях фоновое присутствие оксюморона в ментальном пространстве официально-делового дискурса проявляется и в практике текстопостроения – в виде узкоспецифицированного словоупотребления, резко контрастирующего с общеязыковой нормой. В качестве примера такого параоксюморона можно привести название Приложения 3 к Федеральному закону «О выборах Президента Российской Федерации» – «Сведения о размере и об источниках доходов, имуществе, о счетах (вкладах) в банках, ценных бумагах и об обязательствах имущественного характера кандидата на должность Президента Российской Федерации и его супруга». Выделенный курсивом тип словоупотребления с характерной для него нейтрализацией семантического признака мас-

кулинности принят (закреплен в качестве дискурсивной нормы) в практике юридической коммуникации. Семантическое противоречие и эффект оксюморона актуализуются только за пределами профессионально-деловой сферы.

Заключение

Изложенные выше концептуальные и эмпирические факты представляются достаточными для выхода в трактовке оксюморона за пределы представления о нем как о дискурсивно ограниченном явлении в сфере эксцентричного словоупотребления. Локально-лингвистическая трактовка этого феномена не отражает его реальной сущности как явления, глубоко укорененного в онтологии человеческого сознания и формируемой посредством его инструментария картины мира. Более того, сама феноменология объективного мира дает множество примеров того, что возможна двоякая, на основе логического противоречия, трактовка явлений в рамках

операциональной модели синтеза противоположностей. Скажем, звезда на небе фигурирует в нашей картине мира одновременно и как крошечный, и как гигантских размеров объект.

В аспекте дискурсивно-жанрового разнообразия коммуникативных практик обращает на себя внимание то, что генетически эта речемыслительная формула коммуникации восходит к разговорной речи, откуда она проникает и в другие функциональные области языка, трансформируясь при этом в соответствии с ожиданиями и потребностями каждой из этих областей. Например, в сфере поэзии получает распространение прием композиционного построения целого произведения по модели оксюморона. В философском дискурсе оксюморон часто выступает не только как способ вербальной репрезентации диалектически-противоречивой сущности явлений, но и как опорно-конструктивный элемент в макроструктуре текста, на котором строится отдельная частно-аспектная линия повествования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шестакова Э. Г. Оксюморон как категория поэтики (на материале русской поэзии XIX-первой трети XX веков). Донецк : НОРД-ПРЕСС, 2009. 209 с.
2. Карасик В. И. Оксюморон в языковом сознании и коммуникативной практике // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Т. 8, № 1. С. 114–121.
3. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. 2-е изд. М. : Флинта ; Наука, 2009. 592 с.
4. Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. М. : Просвещение. 1974. 509 с.
5. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М. : Весь мир, 2000. 704 с.
6. Мамардашвили М. К. Беседы о мышлении. СПб. : Азбука ; Азбука-Аттикус, 2019. 480 с.
7. Ильин В. Н. Основная проблема теории познания // Вопросы философии. 2009. № 7. С. 123–134.
8. Густав Шпет и современная философия гуманитарного знания : кол. монография. М. : Языки славянской культуры, 2006. 454 с.
9. Апинян Т. А. Сущностно-универсальное определение игры: феноменология фантома // Вопросы философии. 2008. № 2. С. 58–73.
10. Лосев А. Ф. Миф – число – сущность. М. : Мысль, 1994. 919 с.
11. Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. 176 с.
12. Федоров А. В. Некоторые лексико-семантические факторы смысловой многоплановости художественного текста // Русский язык. Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. Виноградовские чтения IX–X. М. : Наука, 1981. С. 71–82.
13. Сорокин Ю. А. Человек говорящий в его мдухах и отношениях (обзор-дискуссия) // Массовая

культура на рубеже XX–XIX веков: Человек и его курс : сб. науч. ст. М. : Азбуковник, 2003. С. 7–23.

14. Братухин А. Ю. Оксюморон в раннехристианских и византийских текстах // Евразийский гуманитарный журнал. 2019. № 4. С. 62–67.

REFERENCES

1. Shestakova E. G. *Oxymoron kak kategoriya poetiki (na materiale russkoi poezii XIX – pervoi treti XX vekov)* [Oxymoron as a Category of Poetics (Based on the Material of Russian Poetry of the XIX – First Third of the XX Centuries)]. Donetsk, NORD-PRESS, 2009. 209 p. (in Russian).
2. Karasik V. I. Oxymoron in Language Consciousness and Communicative Practice. *Social and Humanitarian Sciences*, 2022, vol. 8, no. 1, pp. 114–121 (in Russian).
3. Baranov A. N. *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoriya i praktika* [Linguistic Expertise of the Text: Theory and Practice]. 2nd ed. Moscow, Flinta, Nauka, 2009. 592 p. (in Russian).
4. *Slovar' literaturovedcheskikh terminov. Red.-sost. L. I. Timofeev, S. V. Turaev* [Timofeev L. I., Turaev S. V. eds. Dictionary of Literary Terms]. Moscow, Prosveshchenie, 1974. 509 p. (in Russian).
5. Ortega y Gasset J. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow, Ves' Mir, 2000. 704 p. (in Russian).
6. Mamardashvili M. K. *Besedy o myshlenii* [Conversations about Thinking]. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Atticus, 2019. 480 p. (in Russian).
7. Ilyin V. N. The main problem of the theory of knowledge. *Problems of Philosophy*, 2009, no. 7, pp. 123–134 (in Russian)
8. *Gustav Shpet i sovremennaya filosofiya gumanitarnogo znaniya* [Gustav Späth and the Modern Philosophy of the Humanities]. Moscow, Languages of Slavic Culture, 2006. 454 p. (in Russian).

9. Apinyan T. A. Essential-universal definition of the game: Phenomenology of the phantom. *Problems of Philosophy*, 2008, no. 2, pp. 58–73 (in Russian)
10. Losev A. F. *Mif – chislo – sushchnost'* [Myth – number – essence]. Moscow, Mysl, 1994. 919 p. (in Russian).
11. Bondarko A. V. *Grammaticheskoe znachenie i smysl* [Grammatical meaning and meaning]. Leningrad, Nauka, 1978. 176 p. (in Russian).
12. Fedorov A. V. Some lexico-semantic factors of the smyslovoy multiplanarity of the artistic text. *Problems of Artistic Speech. Lexicology and lexicography. Vinogradiv Readings IX–X*. Moscow, Nauka, 1981, pp. 71–82 (in Russian).
13. Sorokin Y. A. Man Speaking in His Modes and Relations (Review-Discussion). In: *Massovaya kul'tura na rubezhe XX–XIX vekov: Chelovek i ego diskurs: sb. nauch. st.* [Mass Culture at the Turn of the XX–XIX Centuries: Man and His Discourse : Coll. sci. arts]. Moscow, Azbukovnik, 2003, pp. 7–23 (in Russian).
14. Bratukhin A. Y. Oxymoron in Early Christian and Byzantine Texts. *Euro-Asian Journal for Humanities*, 2019, no. 4, pp. 62–67 (in Russian).

Поступила в редакцию 01.11.2023; одобрена после рецензирования 23.12.2023; принята к публикации 18.01.2024
The article was submitted 01.11.2023; approved after reviewing 23.12.2023; accepted for publication 18.01.2024